

© 2006 г. Е. Г. КОТОВА, А. В. НЕФЕДОВ

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КЕТСКОГО ЯЗЫКА: ВЕРШИННОЕ ИЛИ ЗАВИСИМОСТНОЕ МАРКИРОВАНИЕ?*

Кетский язык, последний представитель енисейской языковой семьи, в типологическом отношении существенно отличается от окружающих его сибирских языков. Его типологические характеристики до настоящего времени остаются предметом дискуссий и споров. В работах Дж. Николс [1986; 1992] кетский язык описывается как язык “практически полностью вершинного типа”. Анализ языкового материала, представленный в статье, позволяет по-другому определить место кетского языка в рамках данной типологической классификации. Эта точка зрения подтверждается также, по мнению авторов, наличием определенных корреляций между типологической характеристикой языка в отношении вершинного/зависимостного маркирования и рядом других типологических параметров.

1. ВВЕДЕНИЕ

В данной работе мы ставим себе цель продемонстрировать возможности характеристики кетского языка с точки зрения типологии вершинного vs. зависимостного маркирования, связь такого рода анализа с общей грамматико-типологической характеристикой кетского языка, а также выявить некоторые сложности и проблемы, возникающие в процессе анализа, и предложить определенные варианты их решения.

Кетский является последним представителем енисейской семьи языков и разительно отличается от окружающих его алтайских, финно-угорских, самодийских и др. языков. С типологической точки зрения кетский язык также явно не может быть отнесен к тому или иному морфологическому типу. Многие лингвисты отмечают, что грамматическая структура кетского языка типологически чрезвычайно необычна [Werner 1997: 3; Georg 2000: 128; Vajda 2001: xv]. Отличительными чертами языка являются: агглютинация, совмещенная с внутренней флексией; явно выраженное деление на классы у существительных; остатки активного строя при современном номинативно-аккузативном характере языка; уникальное использование субъектно-объектных маркеров в качестве компонента для деривации глагольных основ [Vajda 2003]. Кетский язык обнаруживает определенные типологические параллели с отдаленными языками, такими как атабаские, эяк и тлингит в Северной Америке, бурушаски в Южной Азии, баскский в юго-западной Европе. Этот факт также наглядно демонстрирует уникальность кетской типологии.

Сложность структуры кетского языка является причиной возникновения различных подходов к ее интерпретации. Одним из возможных подходов является описание кетского языка с позиций референциально-ролевой грамматики и причисление его к языкам с прямой маркировкой ролевого статуса актантов, то есть к так называемым ролевым языкам. Этот подход представлен в работах Э. Белимова, В. Шабаяева, М. Валл, И. Канакина, С. Буторина [Шабаяев 1984; Белимов 1986; Валл, Канакин 1990; Буторин 1999]. В

* Данная статья основана на докладе, прочитанном авторами во время конференции Syntax of the world's languages (Лейпциг, 5–8 августа 2004 г.). Авторы выражают благодарность Ст. Георгу и Эд. Вайде за помощь и советы в ходе подготовки статьи.

наши задачи не входит в настоящий момент приведение аргументов “за” и “против” в отношении этого подхода, важным, однако, является то, что признание какого-либо языка ролевым влечет за собой признание наличия определенного набора его грамматических характеристик: “Будучи прозрачными на синтаксическом уровне, ролевые языки не имеют синтаксических правил, меняющих базисное, лексически контролируемое кодирование именных групп, таких как залоговые преобразования, и никаких ограничений на применение синтаксических процессов, таких как релятивизация, комплементация, сочинение предложений, подъем, рефлексивизация или переключение референции, определяемых в терминах синтаксических отношений” [Кибрик 2003: 156]. К такого рода характеристикам иногда относят также и отсутствие падежной системы. Так, рассуждая о правомерности утверждения о наличии падежной системы в кетском языке, М. Валл и И. Канакин замечают: “Надо полагать, что принцип прямой маркировки семантических ролей вообще несовместим с категорией падежа” [Валл, Канакин 1990: 69]. Однако эта точка зрения не представляется убедительной, поскольку в некоторых языках, относимых к ролевым, таких, например, как шумерский, арчинский и др. традиционно выделяют падежные системы (ср. [Ван Валин, Фоли 1982: 399; Кибрик 2003: 155]). В то же время нельзя не согласиться с тем, что вопрос о наличии и составе падежей в енисейских языках относится к весьма спорным и на сегодняшний день не может считаться решенным окончательно. Причина этого в том, что, прежде всего, для исследователей кетского, как и для исследователей многих других языков, актуален вопрос о разграничении падежной формы и сочетания знаменательного слова с послелогом (ср. [Володин 1974а: 138]). Эта проблема не нова, лингвистами были выработаны определенные правила и тесты, помогающие адекватно определить соответствующие форманты как падежные аффиксы или как послелог (ср., например, список критериев, предложенных Ф. Планком в [Plank 1991] или правило, сформулированное в [Payne 1997]), но, тем не менее, в каждом конкретном случае решить этот вопрос окончательно весьма сложно, поскольку “не обязательно существует универсальное различие между этими двумя явлениями; как и большинство структурных различий, эти две категории описывают крайние точки континуума”¹ [Payne 1999: 100].

Особенности функционирования падежных формантов в кетском языке и аргументы “за” и “против” приписывания им статуса категориальных аффиксов приведены Г.К. Вернером в его фундаментальном труде “Кетский язык” [Werner 1997: 108–111]. Остановимся лишь на двух из них, имеющих значение для нашего дальнейшего анализа.

1. Некоторые падежные форманты стоят в предложении как бы отдельно, дистанцированно от соответствующего имени, например, наряду с предложением (1a):

(1a) *oks'daŋta ʃʃ'n onaŋ*²

oks-daŋta	ʃʃ'-n	onaŋ
дерево-М.ADESS	лист-PL(NOM ³)	много
‘На дереве много листьев’.		

¹ Здесь и далее перевод цитат выполнен авторами.

² В данной работе представлено четырехстрочное глоссирование кетского материала: первая строка содержит унифицированную фонетическую запись оригинального источника в формате МФА; вторая строка – фонологическую интерпретацию данной записи с морфологической разбивкой; третья строка – соответствующие грамматические глоссы; четвертая строка – перевод на русский язык. Кетский материал, представленный в статье без дополнительного глоссирования, дан в фонологической записи.

³ В большинстве существующих грамматических описаний кетского языка основной падеж традиционно называется абсолютивом.

зафиксировано также предложение (1б), в котором, на первый взгляд, аффикс адессива расположен дистанцированно по отношению к существительному *ōks* ‘дерево’. В данном случае, однако, возможна иная интерпретация данного предложения:

- (1б) *ōks^j ʃʃn daŋta onaŋ*
 ōks ʃʃ-n daŋta onaŋ
 дерево(NOM) лист-PL(NOM) 3SG.M.ADESS много
 ‘Дерево, листьев на нем много’.

Таким образом, интересующий нас формант может быть определен как сокращенная падежная форма местоимения 3 лица, единственного числа *budaŋta*.

Структура предложения в (1б) отражает прагматические характеристики высказывания, а именно, топиализацию слова *ōks* ‘дерево’.

2. Второй важный момент касается характеристики формантов родительного падежа *-da* (мужской класс), *-d(i)* (женский класс и неодушевленный класс), *-na* (мн. ч. одушевленный класс). Как уже было отмечено в лингвистической литературе, статус генитива отличен от статуса других падежных форм (см., например [Володин 1974б: 285]). Генитив в отличие от всех других падежей является, прежде всего, падежом приименным, и основная его семантика – значение притяжательности. Нередко и сама падежная форма оказывается этимологически связанной с посессивными аффиксами, что мы наблюдаем и в кетском языке: “Что касается показателя родительного падежа, то в настоящее время можно считать окончательно установленным, что он представляет собой по происхождению притяжательное местоимение 3-го лица, падежные формы которого постепенно стали употребляться как с личными местоимениями 3-го лица..., так и с существительными, но часто встречаются и в самостоятельном употреблении” [Вернер Г., Вернер И. 1974: 218]. Отметим также, что форма генитива в кетском не является терминальной, она служит основой для образования других падежных форм. Важной чертой генитивных формантов является их особый фонетический статус, отмечаемый многими исследователями кетского языка, а именно, то, что они больше энклитики, чем суффиксы [Vajda 2004: 23]. Тем не менее, проведя простой тест со вставкой атрибута, относящегося к вершине ИГ, можно определить правильные границы между составляющими.

- (2а) *sel^jda ki[?] qo[?]ŋ*
 sel-da ki[?] qo[?]-ŋ
 олень-M.GEN новый рог-PL
 ‘новые рога оленя’ [БКРС: рабочая версия⁴]

- (3а) *obda qà bis^jep*
 ob-da qà biseb
 отец-M.GEN большой брат
 ‘старший брат отца’ [И. Серков: эксп 2004]

⁴ Работа над Большим кетско-русским словарем (БКРС) в настоящее время ведется группой сотрудников Лаборатории языков народов Сибири Томского государственного педагогического университета под общим руководством Е.Г. Которовой. Основу словаря составляет рукописная картотека, собранная А.П. Дульзоном и его учениками и дополненная данными из экспедиций 2000–2006 годов. Проект осуществляется при поддержке Отделения лингвистики Института эволюционной антропологии им. Макса Планка (Лейпциг, Германия).

При этом формы, представленные в примерах 2b и 3b, квалифицируются информантами как неверные:

(2b) *sɛl' ki' da-qɔ'ŋ

‘новые рога оленя’

(3b) *ōb qà da-bis'ɛp

‘старший брат отца’

Ср. построение подобной фразы в языке юрок – одном из языков с вершинным маркированием⁵:

(4a) (ku) 'ne-psech (ku) 'wo-'o'l'

DET 1P-отец DET 3P-дом

‘дом моего отца’

(4б) (ku) pelin neɾu

DET большой.ATTR лосось

‘большой лосось’

(4в) 'ne-psech ku pelin 'wo-'o'l

1P-отец DET большой.ATTR 3P-дом

‘большой дом моего отца’

В настоящее время в кетском выделяют также и категорию посессивности, находящую свое выражение в соответствующих морфологических формантах. Например, наряду с формой *āb huɽ'b* ‘мой сын’, зафиксирована также форма *b-huɽ'b* с тем же значением, ср. также *buda huɽ'b/da-huɽ'b* ‘его сын’, *ɣna huɽ'b/na-huɽ'b* ‘наш сын’ и т.п.

Как видно из примеров, некоторые из посессивных префиксов, а именно, притяжательные префиксы 3-го лица в “личном” склонении, омонимичны падежным формантам генитива. При этом посессивные префиксы имеют характер проклитик [Вернер 1974: 43; Vajda 2004: 20]. Такое положение дел существенно затрудняет дифференциацию падежных показателей генитива, с одной стороны, и притяжательных аффиксов – с другой. М. Валл и И. Канакин предлагают поэтому считать элементы *-da/-di* не морфологическими показателями, а служебными словами, выражающими синтаксическую связь двух существительных [Валл, Канакин 1985: 46].

По всей видимости, на более древних стадиях развития языка действительно нормативными были конструкции типа *ōb da huɽ'b* ‘отец-его-сын’ (см. [Топоров, Цивьян 1968: 244; Вернер 1984а: 16]), из которых впоследствии развились соответствующие генитивные и посессивные конструкции. Тем не менее, мы все же, опираясь на мнение Г.К. Вернера [Werner 1997: 118] и Э. Вайды [Vajda 2004: 21], склонны считать, что на синхронном уровне следует выделять и те, и другие форманты как отдельные показатели, ср. примеры, приведенные в [Werner 1997: 118]: *huɽ'b* ‘сын’, *da-huɽ'b* ‘его сын’, *huɽ'b-da bokdom* ‘ружье сына’, *da-huɽ'b-da bokdom* ‘ружье его сына’, *iude bokdom huɽ'b-da-s* ‘это ружье его сына (есть)’, *iude bokdom da-huɽ'b-da-s* ‘это ружье его сына (есть)’. Заметим, что развитие конструкции типа *ōb da huɽ'b* ‘отец-его-сын’ в две различные конструкции с притяжательным префиксом и падежным аффиксом отражает, по-видимому, движение от свободного маркирования к вершинному и зависимостному маркированию соответственно.

⁵ Авторы выражают благодарность Д. Блевинс (Отделение лингвистики Института эволюционной антропологии им. М. Планка) за предоставленные примеры.

⁶ Данные примеры представлены в орфографии языка юрок, используемой в работе Berkeley Yugtok Project. Глоссы: ATTR – атрибутивная форма глагола, DET – определенный артикль, P – лицо.

Итак, в первой части нашей статьи мы стремились показать проблемы, которые встают перед исследователями кетского языка при характеристике его грамматической структуры и которые в известной мере осложняют однозначную интерпретацию данных этого языка с точки зрения вершинного/зависимостного маркирования. В нашем дальнейшем анализе мы будем исходить из посылок:

1. В кетском языке существуют субъекто-объектные отношения;
2. В кетском языке существует падежная система.

2. КЕТСКИЙ ЯЗЫК: ОСНОВНЫЕ СТРАТЕГИИ МАРКИРОВАНИЯ

Типология Дж. Николс базируется на том факте, что кодирование синтаксических отношений, в большинстве случаев, возникает на вершинном или зависимом элементе составляющих. Основные типы составляющих показаны в Таблице I.

Таблица I

Основные типы составляющих (ср. [Nichols 1986: 57; 1992: 47])

Тип составляющих	Структура составляющих	
	вершинный элемент	зависимый элемент
1. Предложно-послеложная группа	предлог/послелог	местоимение
2. Именная группа	предлог/послелог	существительное
	сущ.-обладаемое	местоименный посессор
	сущ.-обладаемое	именной посессор
	определяемое существ.	определяющее прилаг.
3. Клауза	глагол	аргументы/адыңкты
	вспомогательный глагол	основной глагол
4. Предложение	главное предложение	подчиненное предложение

Так как анализ уровня предложения подробно не освещается в работе Николс, мы остановимся на анализе первых трех уровней. Обычно этого достаточно, чтобы отнести язык к группе с какой-либо из стратегий маркирования.

2.1. Предложно-послеложная группа

В кетском языке нет предлогов. Функция предлогов полностью выполняется косвенными падежами, а также большим количеством послелогов.

(5) *bū donarij obda s'ejbes'*

bū d[u]⁸-o⁴-[i]n²-a¹-di^{j0} ob-da sejbes
 3SG(NOM) 3M.SJ⁸-DUR⁴-PST²-3M.COREF¹-приходить⁰ отец-M.GEN вместо
 'Он пришел вместо отца'. [Шерер 1983: 7]

В связи с тем фактом, что показатели косвенных падежей частично выполняют роль послелогов в кетском, некоторые модели, такие как "с + существительное", к примеру, не принадлежат предложно-послеложным группам.

(6) *ōp hūbas assano oyon*

ōb hūb-as assano o⁶-k⁵-o⁴-[in²]-[t]n⁰
 отец(NOM) сын-COM охота 3M.SG.SJ⁶-DT⁵-DUR⁴-PST²-ходить⁰
 'Отец пошел на охоту с сыном'. [3. Максимова: эксп 2004]

В данном примере мы наблюдаем зависимость маркированное существительное в косвенном падеже. Дж. Николс относит подобные примеры к косвенным именным группам, а не к предложно-последложным группам [Nichols 1992: 48].

Большинство послелогов требуют окончания в генитиве у предшествующего существительного или местоимения:

(7) *assanot qariya*

assano-d qarika
охота-N.GEN после
'после охоты'

[Werner 1997: 72]

(8) *būŋ oŋon xtnna bin'amt*

bū-ŋ oŋ⁶-[k⁵]-o⁴-[in²]-[t]n⁰ xtn-na binamt
3-PL(NOM) 3AN.PL.SJ⁶-DT⁵-DUR⁴-PST²-ходить⁰ 1PL-AN.PL.GEN без
'Они ушли без нас'. [БКРС: рабочая версия]

Только немногие из послелогов, такие как *asqa* 'как, похоже на', *baŋdiŋa* 'до', *dukde* 'во время' и *esaŋ* 'до, для' требуют номинатива:

(9) *báâd ke²r^j as'qa oŋon*

báâd ke²d asqa o⁶-k⁵-o⁴-[in²]-tn⁰
медведь(NOM) человек(NOM) как 3M.SG.SJ⁸-DT⁵-DUR⁴-PST²-ходить⁰
'Медведь ходит как человек'. [Шерер 1983: 7]

(10) *qonoks' baŋdiŋa*

qonoks baŋdiŋa
утро(NOM) до
'до утра' [БКРС: рабочая версия]

Также следует упомянуть существование так называемых "серийных послелогов", т.е. послелогов, которые представляют из себя грамматикализованную комбинацию "существительное + падежный формант", ср.:

Серийный послелог		Падежное окончание	
š'š't	'на'	-ø	номинатив
š'š'tdiŋel	'с'	-diŋel	аблатив
š'š'tka	'на'	-ka	локатив
š'š'tbes	'через, по, из-за'	-bes	прозекутив

Падежные окончания в подобных послелогох потеряли свое первоначальное значение и выпали из парадигмы, так что носители языка воспринимают их как несклоняемые формы. Значение лексической вершины слилось со значением падежного окончания так, что появилось новое грамматическое значение. Таким образом, отделение падежного окончания от лексической вершины возможно на синхронном уровне только как этимологическая операция. Поэтому такие примеры как:

(11a) *sel'da xŋtka*

sel-da xŋtka
олень-M.GEN на
'(верхом) на олене'

(12a) *lemd ʁʁʁtbesʲ*

lem-d

ʁʁʁtbes

доска-N.GEN

по

‘по доске’

[БКРС: рабочая версия]

нельзя рассматривать как демонстрирующие двойное маркирование, ср. примеры 11b и 12b, в которых глоссирование проведено неверно:

(11b) *sʲeʲʲ-da*

*ʁʁʁt-ka

олень-M.GEN

*спина-LOC

‘верхом на олене’

(12b) *lem-d*

*ʁʁʁt-besʲ

доска-N.GEN

*спина-PROS

‘по доске’

Суммируя эти факты, мы выделяем две модели с зависимостным маркированием для предложно-последложных групп в кетском:

- а) ППГ с местоимением: местоимение + ^Mпадеж ^Hпоследлог⁷.
б) ППГ с существительным: существительное + ^Mпадеж ^Hпоследлог.

2.2. Именная группа

Как уже упоминалось, следует проводить различие между маркерами генитива и притяжательными префиксами в кетском на синхронном уровне. Таким образом, существуют три возможных посессивных именных группы:

(13) *opda hʷʲp*

ob-da

hʷʲb

отец-M.GEN

сын

‘отца сын’

(14a) *buda hʷʲp*

bu-da

hʷʲb

3SG-M.GEN

сын

‘его сын’

(14b) *da-hʷʲp*

da-hʷʲb

3SG.M.POSS-сын

‘его сын’

Как видно из примеров, именная группа с именным посессором дает одну зависимостно-маркированную модель (13), а в случае с местоименным посессором встречаются оба варианта (14a, b).

Притяжательные префиксы регулярно используются для маркировки темы в высказывании. Здесь мы можем упомянуть мнение Н.М. Гришиной, которая считает этот феномен одной из отличительных черт кетского языка. Например,

(15) *dudeŋ naket di:mbisʲ*

dʏdeŋ

na-keʲd

d[u]⁸-[ik]⁷-in²-bes⁰

ненцы

3PL.POSS-человек

3M.SJ⁸-направление⁷-PST²-двигаться⁰

‘Юрацкий мужик пришел [досл. Юраки (ненцы) их-человек пришел]’.

[Гришина 1999: 74]

⁷ Здесь и далее надстрочное H обозначает “вершину” группы (head), а надстрочное M – любой аффиксальный маркер (affixial marker) в соответствии с [Nichols 1986: 57].

Притяжательные префиксы обычно употребляются с терминами родства, существительными, обозначающими части инструментов, и некоторыми другими. Тем не менее, все эти существительные могут также употребляться без какого-либо маркера притяжательности.

(16) *ū ulʹasʹ beʹk amdɪŋa tajgə*

ū ul-as beʹk am-diŋa [ku⁸]-t/a⁴-(j)-[ku¹]-ka⁰

2SG(NOM) водка-COM всегда мать-F.DAT 2SG.SJ⁸-AT/DUR⁴-2SG.COREF¹-ходить⁰

‘Ты всегда приходишь к (своей) матери с водкой’. [КФТ 2001: 2]

Таким образом, посессивные именные группы в кетском дают две зависимостно- и одну вершинно-маркированную модели:

а) ИГ с зависимым местоимением: местоимение + ^MGEN ^Hсуществительное;

б) ИГ с зависимым местоимением: ^MPOSS + ^Hсуществительное;

в) ИГ с зависимым существительным: существительное₁ + ^MGEN ^Hсуществительное₂.

Что касается ИГ с определяющим прилагательным, то в кетском она обычно не маркирована по числу, если прилагательное стоит в атрибутивной позиции.

(17a) *aqta keʹt*

aqta keʹd

хороший человек

‘хороший человек’

(17б) *aqta deʹŋ*

aqta deʹŋ

хороший человек.PL

‘хорошие люди’ [БКРС: рабочая версия]

В то же время, некоторые прилагательные в составе именной группы принимают аффикс множественного числа -ŋ, но это явление факультативно:

(18a) *qà keʹt*

qà keʹd

большой человек

‘большой человек’

(18б) *ṡt qà deʹŋ*

ṡt qà deʹŋ

мы большой люди.PL

‘мы большие люди’

(18в) *ṡt qāŋ deʹŋ*

ṡt qā-ŋ deʹŋ

мы большой-PL люди.PL

‘мы большие люди’ [БКРС: рабочая версия]

Таким образом, атрибутивная ИГ дает основную модель с нулевым маркированием и второстепенную модель с зависимостным маркированием:

г) ИГ с определяющим прилагательным: прилагательное ^Hсуществительное (основная модель),

д) ИГ с определяющим прилагательным: прилагательное + ^MPL ^Hсуществительное + PL (второстепенная модель, характерная только для некоторых ИГ во множественном числе).

Прежде чем перейти к анализу глагола, следует отметить еще одну модель, которая не входит в список оппозиций, предложенных Дж. Николс. Это модель “указательное местоимение + существительное”, которая носит ярко выраженный зависимостный характер в кетском языке. В кетском языке указательное местоимение всегда согласуется со своей вершиной по классу и числу:

- (19а)

kire qimdwlʰ hɬnʰarʰa

ki-de qim-dwl

hɬna-da

это-F женщина-ребенок(NOM)

маленький-3F.PRED

'Эта девочка маленькая'.
- (19б)

kinʰe taʰp qɬjbesʰaŋ

ki-ne taʰb qɬjbes-aŋ

это-AN.PL собака.PL злой-3AN.PL.PRED

'Эти собаки злые'.
- (19в)

tūrʰ sʰjɛʰ kaidu

tū-d sel kat-du

это-M олень старый-3M.PRED

'Этот олень старый'.
- (19г)

tunʰe dwlʰgat aqtaŋ

tu-ne dwlket aqta-aŋ

это-AN.PL ребенок.PL хороший-3AN.PL.PRED

'Эти дети хорошие'.

[Werner 1997: 137]

2.3. Клауза

Глагольная система кетского языка представляет собой весьма сложное явление. До сих пор нет единого подхода к ее интерпретации. Наиболее удачным способом описания кетского глагола признана так называемая “позиционная модель”. В настоящее время существует несколько моделей, выработанных С.С. Буториным, К.Ю. Решетниковым и Г.С. Старостиным, Г. Вернером, Э. Вайдой. Одна из последних моделей была предложена Э. Вайдой. В наших примерах мы анализируем состав глагольной словоформы согласно этой модели.

Э. Вайда предлагает 10-позиционную модель кетского глагола [Vajda 2004: 45]. Позиции могут быть условно разделены на три типа – лексические, актантные и грамматические:

Таблица II

Позиционная модель Э. Вайды

П8	П7	П6	П5	П4	П3	П2	П1	П0	П-1
валентность	инкорпорант	валентность	уточнитель	дуратив или валентность	валентность	прош. вр. или императив	валентность	база	валентность

Как и в любом из полисинтетических языков, в кетском языке глагол может заменять целое предложение:

- (20)

dituŋ

d[i]⁸-i⁶-t⁵-[a⁴]-oŋ⁰

1SJ⁸-3SG.F.O⁶-DT⁵-[DUR⁴]-видеть⁰

'Я вижу ее'.

Cp.:

- (21) *āt haŋgəs^j dituŋ*

ād	haŋas	d[i] ⁸ -i ⁶ -t ⁵ -[a ⁴]-oŋ ⁰
1SG(NOM)	олениха(NOM)	1SJ ⁸ -3SG.F.O ⁶ -DT ⁵ -[DUR ⁴]-видеть ⁰
‘Я вижу олениху’.		[БКРС: рабочая версия]

Если мы признаем существование падежной системы в кетском языке, то мы должны принять двойное маркирование клаузы в кетском языке, несмотря на то, что явное противопоставление субъекта и объекта в языке отсутствует (оба стоят в номинативном падеже и маркированы соответственно нулевым аффиксом):

- (22) *hīγ qimduwl diton*

hīk	qim-duwl	d[u] ⁸ -i ⁶ -t ⁵ -[a ⁴]-oŋ ⁰
мужчина(NOM)	женщина-ребенок(NOM)	3M.SJ ⁸ -3SG.F.O ⁶ -DT ⁵ -[DUR ⁴]-видеть ⁰
'Мужчина видит девочку'.		[Vajda 2004: 22]

В то же самое время такие глаголы как “спрашивать”, “говорить”, “знать” и др. требуют или существительного в косвенном падеже или послеложной конструкции:

- (23) *higduw tajdinal bān tqosaṇatn*

hik-dwɪl taj-diŋal bʔn d[u]⁸-qosaŋ⁷-a⁴-tn⁰
 мужчина-ребенок холод-N.ABL NEG 3M.SJ⁸-бояться⁷-DUR⁴-ходить⁰
 ‘Мальчик не боится холода’.
 [Vajda 2004: 23]

Эти косвенные аргументы никогда не кодируются в самом глаголе.

Хотя, как отмечает В. Минаева, наряду с традиционным нулевым маркированием переходных SOV клауз, молодые носители языка очень часто используют модель S + O-DAT + V:

- (24) *ṣt ukun̄a tsuraʔingutn*

ʒt uk-aŋa d[i]⁸-siraq⁷-in²-ku¹-t⁰-n⁻¹]
 IPL(NOM) 2SG-DAT 1SJ⁸-учить⁷-PST²-2SG.O¹-MOM.TR⁰-SJ.PL⁻¹
 ‘Мы учили тебя’. [Minaeva 2003: 49]

Подобные конструкции могут быть объяснены русской интерференцией в грамматике кетского языка. В этом случае объект в косвенном падеже сохраняет кодирование в глаголе, словно это прямой объект.

Таким образом, основной моделью клаузы в кетском является следующая:

а) Клауза: $\text{Noun}_1 + {}^M\text{CASE} \text{Noun}_2 + {}^M\text{CASE} \text{Noun}_3 + {}^M\text{CASE} \text{Verb} + {}^M\text{AFF}_{N1} + {}^M\text{AFF}_{N2} + {}^M\text{AFF}_{N3}$.

2.4. Итоговые результаты подсчетов стратегий маркирования

В виде заключения этой части мы бы хотели предложить иную характеристику кетского языка, по сравнению с той, которая представлена в [Nichols 1986; 1992].

В [Nichols 1986] кетский язык характеризуется как “практически полностью вершинно-маркированный”:

Таблица 1

Составляющая	ППГ	ППГ	ИГ	ИГ	ИГ	Клауза
<i>Зависимый элемент</i>	<i>Местоим.</i>	<i>Сущ.</i>	<i>Местоим.</i>	<i>Сущ.</i>	<i>Прилаг.</i>	<i>Аргументы</i>
кетский	В	В	В	В	(3)	2/2 (3/В)

Общая сумма для кетского языка равна 3/6 (первое число обозначает количество зависимых моделей/второе – вершинных).

Предлагаемая нами таблица выглядит следующим образом:

Таблица 2

Составляющие	ППГ	ППГ	ИГ	ИГ	ИГ	Клауза
<i>Зависимый элемент</i>	<i>Местоим.</i>	<i>Суц.</i>	<i>Местоим.</i>	<i>Суц.</i>	<i>Прилаг.</i>	<i>Аргументы</i>
кетский	3	3	3//В	3	0//з	2/2 (3//В)

Таким образом, общая сумма моделей составляет 6/3.

Морфологическая сложность языка в [Nichols 1992] расписана более детально (ИГ – именная группа, ППГ – предложно-последложная группа, П – предложение):

Таблица 3

Составляющие	Кол-во зависимостно маркиров. единиц	Кол-во вершинно маркиров. единиц	Кол-во “плавающих” единиц	Сумма
ИГ с существительным	1	1	0	2
с местоимением	1	1	0	2
с прилагательным	1	0	0	1
ППГ с существительным	0	1	0	1
с местоимением	0	1	0	1
П с существительным	2	2	0	4
с местоимением	2	2	0	4
<i>Сложность</i>	7	8	0	15
				13 (без ППГ)

Наш анализ дает следующие результаты:

Таблица 4

Составляющие	Кол-во зависимостно маркиров. единиц	Кол-во вершинно маркиров. единиц	Кол-во “плавающих” единиц	Сумма
ИГ с существительным	1	0	0	1
с местоимением	1	1	0	2
с прилагательным	1	0	0	1
ППГ с существительным	1	0	0	1
с местоимением	1	0	0	1
П с существительным	2	2	0	4
с местоимением	2	2	0	4
<i>Сложность</i>	9	5	0	14
				12 (без ППГ)

Таким образом, кетский можно характеризовать как язык с двойным маркированием предложения и зависимостным маркированием фразовых групп, что делает его типологически сходным с такими языками как бурушаски, баскский и др.

3. ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ КОРРЕЛЯЦИИ

Важным компонентом в исследовании Дж. Николс является выявление корреляций между типологической характеристикой языка в отношении вершинного/зависимостного маркирования и другими типологическими параметрами, такими как морфологическая сложность, порядок слов, языковой тип, а также наличием/отсутствием определенных грамматических категорий. В заключительной части нашей статьи мы хотели бы проследить, как характеризуется кетский язык с точки зрения названных типологических параметров и лежат ли эти характеристики в русле закономерностей, выявленных Дж. Николс. Существенные взаимосвязи были обнаружены в отношении следующих типологических черт:

1. Вершинное маркирование соотносится с низким уровнем сложности, зависимостное маркирование – с высоким уровнем, это языковая универсалия [Nichols 1992: 113]. Морфологическая сложность – это типологическая черта языка, показывающая спектр различных стратегий маркирования. Параметром исчисления сложности является сумма всех возможных вариантов маркирования в языке на фразовом уровне и уровне предложения. Теоретический максимум этого метода подсчета – 27 (для фразового уровня и уровня предложения). В выборке языков, исследованных Дж. Николс, самый высокий уровень сложности достигает 15, а самый низкий – 2. Таким образом, шкала сложности у Николс варьирует в этих границах. Уровень морфологической сложности, подсчитанный Дж. Николс для кетского – 13. Как мы видим, уровень сложности достаточно высок, что не коррелирует с вершинным типом маркирования.

2. “Порядок слов с глаголом в начальном положении или отсутствие устойчивого порядка слов свойственен языкам с вершинным маркированием, а порядок слов с глаголом в срединном или в финальном положении свойственен языкам с зависимостным маркированием” [Nichols 1992: 113].

Для кетского языка характерной является конечная позиция глагольной словоформы, то есть порядок слов определяется как SOV (реже OSV) [Werner 1997: 333; Vajda 2004: 22]. Отклонения от нормы возникают, в основном, в результате интерферирующего влияния русского языка. Таким образом, типологическая характеристика кетского как SOV-языка, а также достаточно устойчивый порядок слов относят его к группе языков, в которых ожидаемым является зависимостное маркирование.

3. В релятивной типологии выделяются три основных языковых типа: аккузативный, эргативный и стативный/активный. Они также оказываются определенным образом связанными с типом маркирования в языке: аккузативный языковой тип равным образом сочетается с вершинным, зависимостным и двойным маркированием. Эргативный тип свойственен в основном языкам с зависимостным маркированием, а стативные/активные языки в большинстве своем вершинно маркированы [Nichols 1992: 100–101]. Кетский язык обнаруживает в настоящее время черты всех трех языковых типов, однако доминирующим компонентом в его строе, по мнению большинства ученых, являются черты аккузативности, в связи с чем кетский язык в целом определяется как язык номинативно-аккузативного строя. Однако исследователи кетского языка выделяют целый ряд черт, которые, по всей видимости, следует определить как реликтовые признаки активного строя. Данное обстоятельство позволяет высказать предположение о том, что кетский язык мог в процессе своего развития совершить перестройку древнего активного типа в современный номинативно-аккузативный [Вернер 1974: 45; 1984б: 15]. Таким образом, с точки зрения языкового типа современный кетский язык не отдает предпочтения ни одному из типов маркирования.

4. Обращаясь к связи наличия/отсутствия определенных грамматических категорий с типом маркирования в языке, мы остановимся лишь на категории отторжимой/неоттор-

жимой принадлежности, поскольку эта категория, согласно Николс, является наиболее жестко связанной с вершинным типом маркирования. Данную корреляцию можно рассматривать как вероятную универсалию [Nichols 1992: 116, 119].

В кетском языке на синхронном уровне не существует грамматически выраженного противопоставления между отторжимой/неотторжимой принадлежностью (ср. [Werner 1997: 119; Vajda 2004: 21]). В то же время, нужно принимать во внимание тот факт, что один из самых распространенных случаев – это тот, когда принадлежность вершинно маркирована и нет формального различия между отторжимой и неотторжимой принадлежностью кроме того, что есть определенный список существительных, обозначающих неотторжимое, которые не могут употребляться без притяжательной аффиксации, в то время как отторжимое может употребляться без этого [Nichols 1992: 117]. В кетском есть часть существительных, обозначающих части тела или орудий труда, а также термины родства, которые содержат проклитики *d-* или *b-*: *ūl* ‘шест’/*dūl* ‘ручка (шест чего-либо)’/*būl* ‘нога (шест кого-либо)’. Это значит, по всей видимости, что такие существительные раньше требовали обязательного выражения субъекта обладания [Vajda 2004: 21].

В заключение еще раз подчеркнем, что мы в своей работе стремились отразить объективную картину как функционирования кетского языка, так и состояния его теоретических исследований. Тот факт, что в настоящее время нет единства мнений в отношении интерпретации многих ключевых явлений морфологии и синтаксиса кетского языка (что вызвано неоднозначностью самих лингвистических фактов) во многом затрудняет выработку решений, касающихся его важнейших типологических характеристик, в частности, и определения типа маркирования. Надеемся, что наши наблюдения будут способствовать прояснению ситуации и нахождению адекватных характеристик.

ГЛОССИРОВАНИЕ

ABL	исходный падеж	N	вещной класс
ADESS	местно-личный падеж	NEG	отрицательная частица
AN	одушевленный	NOM	основной (номинативный) падеж
AT	непредельный	O	объектный маркер
COM	орудно-совместный падеж	PL	множественное число
COREF	маркер кореферентного субъекта	PST	прошедшее время
DAT	дательно-направительный падеж	POSS	посессивная клитика
DT	уточнитель	PRED	предикат
DUR	дуратив	PROS	продольный падеж
F	женский класс	SG	единственное число
GEN	родительный падеж	SJ	субъектный маркер
LOC	местный падеж	TR	переходный
M	мужской класс	()	эпентетический или разделительный элемент (только в глагольных глоссах)
MOM	однократный	[]	элемент, не представленный в фонетической реализации (только в глагольных глоссах)
MT	классификатор внутренних состояний и отношений		

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белимов 1986 – *Е.И. Белимов*. Кетский синтаксис. Ситуация. Пропозиция. Предложение. Новосибирск, 1986.
- Буторин 1999 – *С.С. Буторин*. О позиционных падежах в кетском языке // Проблемы документации исчезающих языков и культур. Уфа; Томск, 1999.
- Валл, Канакин 1985 – *М.Н. Валл, И.А. Канакин*. Категория имени в кетском языке. Новосибирск, 1985.

- Валл, Канакин 1990 – М.Н. Валл, И.А. Канакин. Очерк фонологии и грамматики кетского языка. Новосибирск, 1990.
- Ван Валин, Фоли 1982 – Р.Д. Ван Валин, А. Фоли. Референциально-ролевая грамматика // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 11: Современные синтаксические теории в американской лингвистике. Москва, 1982.
- Вернер 1974 – Г.К. Вернер. Реликтовые признаки активного строя в кетском языке // ВЯ. 1974. № 1.
- Вернер Г., Вернер И. 1974 – Г.К. Вернер, И.Г. Вернер. О родовой дифференциации падежных показателей современных енисейских языков // Склонение в палеоазиатских и самодийских языках. Л., 1974.
- Вернер 1984а – Г.К. Вернер. К типологической характеристике родительного падежа в кетском // Структура палеоазиатских и самодийских языков. Томск, 1984.
- Вернер 1984б – Г.К. Вернер. К типологической характеристике енисейских языков // Проблемы типологии и контрастивного описания языков. Новосибирск, 1984.
- Володин 1974а – А.П. Володин. Состав падежей ительменского языка // Склонение в палеоазиатских и самодийских языках. Л., 1974.
- Володин 1974б – А.П. Володин. Падеж: форма и значение или значение и форма? // Склонение в палеоазиатских и самодийских языках. Л., 1974.
- Гришина 1999 – Н.М. Гришина. О некоторых средствах выделения темы и ремы в кетском языке // Проблемы документации исчезающих языков и культур. Уфа; Томск, 1999.
- Кибрик 2003 – А.Е. Кибрик. Константы и переменные языка. СПб., 2003.
- Топоров, Цивьян 1968 – В.Н. Топоров, Т.В. Цивьян. Об изучении имени в кетском (некоторые результаты и перспективы) // Кетский сборник. Лингвистика. М., 1968.
- Шабаетов 1984 – В.Г. Шабаетов. Функциональный анализ системы субъектно-объектных показателей кетского глагола. Автореф. ... дисс. канд. филол. наук. Л., 1984.
- Шерер 1983 – В.Э. Шерер. Послеложные конструкции в кетском языке. Автореф. ... дисс. канд. филол. наук. Л., 1983.
- Georg 2000 – S. Georg. Methodologische Bemerkungen zum Problem der äußeren genetischen Beziehungen der jenseitigen Sprachen // XX Дульзонские чтения. Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков и культур. Т. 2. Томск, 2000.
- Minaeva 2003 – V.P. Minaeva. Russian grammatical interference in Ket/Sprachtypologie und Universalienforschung. Bd. 56. № 1–2. Berlin, 2003.
- Nichols 1986 – J. Nichols. Head-marking and dependent-marking grammar / Language. 1986. V. 62. № 1.
- Nichols 1992 – J. Nichols. Linguistic diversity in space and time. Chicago, 1992.
- Payne 1999 – Th. Payne. Describing morphosyntax: A guide for field linguists. Cambridge, 1999.
- Plank 1992 – F. Plank. From cases to adpositions // N. Pantaleo (ed.). Aspects of English diachronic linguistics. Fasano, 1992.
- Vajda 2001 – E. Vajda. Yeniseian peoples and languages. Richmond, 2001.
- Vajda 2003 – E. Vajda. Ket verb structure in typological perspective // Sprachtypologie und Universalienforschung. Bd. 56. № 1–2. Berlin, 2003.
- Vajda 2004 – E. Vajda. Ket. Munich, 2004.
- Werner 1997 – H. Werner. Die ketische Sprache. Wiesbaden, 1997.

ИСТОЧНИКИ

- БКРС – Большой кетско-русский словарь / Под общим рук. Е.Г. Которовой. Томск (рабочая версия).
- КФТ 2001 – Кетские фольклорные и бытовые тексты / Ред. Е.Г. Которова, Т.И. Поротова. Томск, 2001.